

© 1999 г. Э.Г. ТУМАНЯН

О ПРИРОДЕ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Вопрос о природе языковых изменений и сегодня не потерял своего интереса, продолжая привлекать пристальное внимание лингвистов различных профилей. В задачу данной статьи не входит подробный анализ обширной научной литературы и многочисленных работ по данной теме. Здесь отметим только, что проблема языковой эволюции рассматривалась в самых разных аспектах, крайние точки которых в обобщенном виде можно свести к двум, наиболее важным положениям. Сторонники одного из них, социолингвистического, придерживаются концепции, согласно которой языковые изменения обусловлены причинами внешнего, социального порядка. Сторонники другого тезиса полагают, что языковые изменения связаны исключительно с внутренними причинами.

Следует отметить, что сам факт изменчивости языка мало кем вообще оспаривается. Проблематичным остается вопрос о природе этих изменений и о причинах их появления, что далеко не так очевидно.

В настоящее время обе указанные, по существу, полярные концепции легли в основу единой теории языковых изменений, согласно которой последние могут носить как спонтанно возникающий характер, так и быть результатом креативной деятельности общества, итогом его целенаправленного вмешательства в языковые процессы. Этим по существу манифестируется положение о двуприродности языковых изменений, поскольку язык "проявляет двоякую зависимость своей эволюции – от среды, в которой он существует, с одной стороны, и от его внутреннего механизма и устройства, с другой" [Серебренников, Кубрякова 1970 : 198]. Вместе с тем применительно к конкретным языковым фактам оно не дает ключа к четкой дифференциации имманентно возникших изменений от искусственно привнесенных в язык вмешательством человека, к правильной оценке их генезиса. Отграничение спонтанных изменений в языках от общественно-детерминированных осложняется еще трудностью выявления социально-соотнесенных лингво-культурных феноменов на различных уровнях языка и связано, главным образом, с неразработанностью методов экспликаций, методов строгой и компактной дефиниции разноприродных явлений.

Основная задача данной статьи заключается в попытке на основе документально засвидетельствованных фактов показать языковые изменения, которые имеют совершенно разную природу, дать определение их "лица" и источника возникновения, сравнить и четко разграничить внутриструктурные изменения имманентного характера от тех, которые являются плодом целенаправленного или стихийного воздействия общественных, внешних факторов.

Прежде чем перейти к основной задаче – анализу языковых фактов, необходимо дать краткий обзор существующих точек зрения.

Проблемы языковой телеологии и интерпретации причин и направлений языковых изменений имманентной природы и в настоящее время продолжают привлекать пристальное внимание лингвистов самых различных ориентаций. При этом в понимании движущей силы и самой природы языковых изменений нет единообразия и согласия [Николаева 1991; 1996]. Понимая язык как чистую структуру соотношений, многие исследователи пытаются устранить влияние внешнего, социального фактора. Пред-

полагается, что в границах лингвистических исследований внешние факторы не должны привлекаться, поскольку предметом интереса лингвиста должна быть внутренняя причинность языковых изменений [Курилович 1965 : 404–405]. Особенно остро при этом стоит вопрос о не выявленных причинно-следственных связях языковых изменений, о пружинах скрытых импульсов языковой эволюции. Примечателен факт, что первоначально проблема имманентных языковых изменений и поиски их причин решались в основном по данным фонетики и фонологии. Возможно это обстоятельство и дало повод некоторым исследователям сомневаться в возможности успеха в поисках первопричин внутривидовых фонетических изменений. Гораздо более результативными эти поиски оказались при изучении изменений, происшедших на различных уровнях языка под влиянием внешних факторов, особенно в условиях сознательного вмешательства общества в языковую структуру.

Занимаясь проблемой звуковых изменений, Л. Блумфилд пришел к выводу, что поиски причин этих изменений бесперспективны, поскольку еще никому не удалось установить связь между звуковым изменением и каким-либо предшествующим ему явлением. В итоге он оставляет вопрос о причинах звуковых изменений открытым [Блумфилд 1967 : 420]. А. Мартине в качестве движущей силы языковых изменений рассматривал в числе других также принцип экономии усилий, согласно которому человек «растрачивает свои силы лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения определенной цели» [Мартине 1963 : 532–533]. Иная позиция по поводу языковых изменений у О. Есперсена. Появление аналитических конструкций в индоевропейских языках он трактовал в целом как процесс совершенствования языкового строя, как стремление к более совершенной языковой форме [Jespersen 1925 : 364]. Эта точка зрения представляется наиболее близкой к реальному положению вещей. Косериу полагает, что «язык изменяется именно потому, что он не есть нечто готовое, а непрерывно создается в ходе языковой деятельности» [Косериу 1963: 184]. Рассматривая вопрос о причинах языковых изменений Т.М. Николаева выдвигает гипотезу, согласно которой последние происходят благодаря наличию в языке тенденции «к передаче все большего количества информации в единицу времени», стремления конденсировать смысловую насыщенность в единицу времени [Николаева 1991 : 16]. Реализуется указанная тенденция при помощи компрессии и суперсегментации. Концептуальное содержание этой гипотезы представляет созвучным с принципом экономии в языке, предложенным Мартине: аллеговая речь и компрессия – та же самая экономия языковых усилий. Данная гипотеза, безусловно, имеет свои плюсы, т.к. позволяет в ряде случаев выявить механизм языковых изменений. Но в то же время как быть с фактами тех изменений, которые реализуются не путем сокращения, а напротив, увеличения общего объема структурных единиц в пользу семантических уточнений. Примером может служить появление аналитических глагольных категорий во многих индоевропейских языках взамен флективно-синтетических. Что касается аллеговой речи, то она тоже, по-видимому, реализуется в ограниченных случаях. Во всяком случае в условиях полногласности вокализма, например, армянского языка принцип ускоренной речи вряд ли может иметь место.

Необходимо подчеркнуть, что в истории конкретного этноса удельный вес имманентных изменений в языке и их соотносительность с общественно-детерминированными не является постоянной величиной. В зависимости от внешних причин она может существенно меняться. Так, появление письменности и формирование из диалекта письменно-литературного языка дает значительный рост удельного веса общественно-детерминированных изменений по сравнению с более медленно и скрытно протекающими имманентными. В архисистеме языка, образованной из совокупности различных страт, наиболее подверженным влиянию общества, наиболее искусственным является литературный язык.

Следует отметить, что на глубинном диахроническом уровне изменения, происходящие в языке, имеют в конечном счете скорее общественно-детерминированный характер, поскольку сам язык – явление глубоко общественное. Однако источник

одних изменений лежит на поверхности, достаточно четко просматривается и увязывается с влиянием экстралингвистических факторов, с влиянием социума, пользующегося данным языком; источник же других не поддается конкретному определению и подобной трактовке. В самом деле, влиянием какого внешнего фактора могут быть интерпретированы звуковые изменения, отраженные в законе Вернера, согласно которому всякий ненаачальный глухой щелевой подвергался в германском озвончению, если ударение следовало за ним. Причем, если сам Вернер непосредственной причиной озвончения считал ударение, которому приписывается определяющая роль, то Соссюр объясняет эти изменения наличием спонтанной тенденции к озвончению спирантов внутри слова [СГГЯ 1962 : 212]. Остается неясным, что лежит в основе самой этой тенденции, каков движущий фактор.

Следует отметить, что факты языковых изменений, происходящих на различных уровнях языка довольно легко обнаруживаются диахронически, особенно при наличии письменных памятников. Они поддаются изучению, являясь предметом исторической лингвистики. Гораздо труднее установить внутренние причины, собственно механизм появления самих изменений, по существу противоречащих социальной потребности в постоянно устойчивом и упорядоченном языке.

Выше было сказано, что главная задача статьи – разграничить изменения, которые произошли «сами по себе», по каким-то неизвестным человеку внутренним законам, от тех, которые являются результатом акта «общественного насилия», итогом проникновения человека в недра «языковой кухни». Обратимся сперва к изменениям имманентного характера, в основе которых лежат внутренние импульсы. В любом языке заложен внутренний стимул к спонтанному развитию. Основой его является наличие внутренних противоречий в самой природе языка как определенным образом организованной субстанции, обладающей коммуникативными функциями. Характер внутренних противоречий во всех случаях отражает несовершенство отдельных уровней языка, ущербность ее организационной системы. Эти несовершенства, не нарушая заметным образом общего равновесия языка как коммуникативно-приспособленного механизма, являются первопричиной динамических изменений, происходящих в нем при определенных условиях. К их числу относятся, в первую очередь, феномен вариативности структурных элементов языка и их реализаций, наблюдаемых на всех ярусах, затем ущербность парадигм и систем оппозиций, образуемых ими и др.

Причины возникновения ущербных парадигм – самые разнообразные: проникновение диалектных элементов и образование дублетных форм, выпадение архаизмов без замещения образовавшихся пустот, недоразвитость определенных парадигм и, следовательно, нарушение установившихся в языке оппозиций и прочих системных связей, тенденция к экономии языковых средств, стимулирующая появление типового однообразия, приводящего к совпадению форм при наличии разности в значении и пр. Во всех этих случаях язык стремится восстановить и усовершенствовать внутреннюю систему самопроизвольным образом.

К документально зафиксированным фактам самопроизвольного включения языкового механизма с целью поднятия уровня информации можно отнести процесс превращения определенного постпозитивного артикля *n* (или *ə*) во флексию дательного падежа в новоармянском литературном языке [Туманян 1955]. Артикль этот представляет собой частицу, которая присоединяется к концу имени и определяет его. При склонении он ставится после падежной флексии: *mard* «человек вообще», *mard-n* «определенный человек», *mard-u-n* «определенному человеку». Артикль широко употреблялся в грабаре, а также в диалектах армянского языка. В современном литературном восточноармянском языке он приобрел новую особенность: перестал присоединяться к именам, стоящим в родительном падеже, в отличие от древнеармянского языка и диалектов. Ср. в грабаре *yağs paterazmin Vağaršakay ənd pontaciš* «По поводу войны Вагаршака с понтийцами». Возникает вопрос, почему определенный артикль у существительных в родительном падеже новоармянского литературного языка исчез? В процессе изучения категории артиклей мы натолкнулись на факты,

позволившие установить определенную точку зрения на этот вопрос. Анализ морфологии падежной системы показал слабое звено этой системы: все падежи как-то оформлены, кроме родительного и дательного, которые полностью идентичны. Так, именительный падеж особых окончаний не имеет, винительный сходен с именительным или дательным, отложительный, творительный и местный падежи имеют свою особую флексию. Что же касается родительного и дательного, то они, как было сказано, абсолютно тождественны. Совпадение форм этих падежей, сопряженное с семантической неточностью информации постепенно привело в новоармянском литературном языке к тенденции расподобить их. С этой целью был использован артикль в качестве своеобразной флексии, чему в значительной степени способствовала удобная его позиция в конце падежных форм. Произошло переосмысление функций артикля, превращение его в формальную частицу для дифференциации падежей, в результате которого родительный падеж полностью потерял определенный артикль, а в детальном падеже, наоборот, его употребление участилось настолько, что он ставится даже тогда, когда существительное заведомо неопределенно. Процессу закрепления определенного артикля за дательным падежом в качестве падежной флексии способствовало еще и то обстоятельство, что артикль стали терять и последние три падежа – отложительный, творительный и местный, обладающие собственными падежными флексиями. Произошел явный семантический сдвиг определенного артикля: стоит только к родительному падежу прибавить артикль, как он тотчас же воспринимается как детальный. Предложение *Zoravari hraman ekav* "Пришел приказ командира", где *zoravar* "командир" стоит в родительном падеже и без артикля, полностью переосмысливается, если к родительному падежу прибавляется артикль: *Zoravari-n hraman ekav* воспринимается как "Пришел приказ к о м а н д и р у". Можно привести массу примеров переосмысления артикля во флексию дательного падежа. Так, застывшие фольклорные формулы, сохранившие реликтовое артикли в родительном падеже в современном языке воспринимаются как образования с дательным падежом. Ср. *Es jin em jivavorin* "Я лошадь наездника" (род. падеж с артиклем) стало восприниматься как "я лошадь наезднику". Причина описанных выше изменений в значении и соответственно в функции артикля *n* (ə) заключается, прежде всего в снижении уровня информации при формальном совпадении двух различных падежей. Спонтанно появляется внутренний импульс к повышению уровня взаимопонимания, включается языковой механизм для привлечения уже имеющихся в языке структурных элементов с их последующей смысловой перестройкой.

Приведем другой пример имманентных изменений из глагольной системы. Сравнение системы грабара в V в. и современного армянского языка документально подтверждает наличие в грабаре необратимой тенденции заменить унаследованные от общиндоевропейского состояния синтетические глагольные формы более жизнеспособными аналитическими конструкциями. Памятники грабара свидетельствуют, что аналитические глагольные конструкции со вспомогательными глаголами первоначально подключались к лично-временным синтетическим чаще всего в тех случаях, когда последние недостаточно однозначно и четко выражали залоговые оппозиции. Следует отметить, что состояние залоговых оппозиций являлось наиболее уязвимым, слабым звеном в глагольной системе грабара, особенно в системе презентных основ. Следует напомнить, что дифференциация глаголов действия и глаголов состояния в грабаре шла одновременно с оформлением системы времен и наклонений на основе оппозиций двух основ – презенса и аориста. В системе презентных основ повсеместно наблюдалось противоречие плана выражения с планом содержания. Особенно противоречивым был тот факт, что все глаголы без исключения в имперфекте выработали лишь одну серию окончаний, общую для обоих залогов, благодаря чему оппозиция актив/пассив здесь полностью снималась, например *sirēi* означает "я любил" и "я был любим". Определенная непоследовательность в реализации плана выражения актив/пассив наблюдалась и в системе аористных основ, которые относительно лучше были оснащены для этой оппозиции. Но и здесь наблюдалось совпадение форм актива и

пассива, например, *dateçay* "я осудил" и "я был осужден". Все вместе приводило к тому, что больше половины всех возможных синтетических личных временных глагольных форм по своему значению были двусмысленными.

Для восстановления равновесия язык стал использовать уже готовые существующие в нем резервы. Таковыми оказались аналитические глагольные конструкции, образованные путем сочетания причастных форм со спрягаемыми формами вспомогательных глаголов. Система аналитических времен грабара образуется путем сочетания причастных форм полнозначных глаголов со спрягаемыми формами бытийных глаголов *em* "я есмь" и *linim* "я становлюсь" (ср. немец. *werden*). Центральное место занимают два причастия – прошедшее и будущее, на которые ложится основная смысловая нагрузка. Вспомогательные же глаголы выражают категорию лица, числа, отношения действия к моменту речи, т.е. соотносительность времен и наклонений. Указанные конструкции со вспомогательными глаголами подключались чаще всего в те парадигматические ряды, в которых синтетические формы давали повод к двойственному пониманию значения, т.е. были недостаточно дифференцированы в залоговом отношении. Особенно продуктивно функционирует в этих случаях глагол *linim* в имперфекте. Образованная при этом конструкция употребляется для выражения значения имперфекта пассивного залога, т.к. залоговая оппозиция в имперфекте не получила никакого формального выражения у всех типов спряжения, например, вместо двусмысленного *mecarêin* "они возвеличивали" и "они возвеличивались" употребляется аналитическая конструкция *mecareal linêin* "они возвеличивались". В целом аналитические глагольные конструкции оказались настолько жизнеспособными, что образовали новую, продуктивную систему, изменив тем самым весь глагольный видо-временной строй грабара. Таким образом можно констатировать возможность вычленения и дифференциации изменений, которые произошли в языке благодаря его способности к внутреннему саморегулированию и ликвидации системно-структурных противоречий, приводящих к двусмысленности содержания.

Перейдем к анализу социально-детерминированных изменений в языке, используя конкретные факты.

Проблема социальной управляемости языка, воплощающей творческий аспект общества довольно долгое время оставалась в тени в практическом плане, в стороне от магистрального пути развития эволюционной лингвистики. Не отрицая значение социального компонента в развитии языка, многие исследователи, замороженные потрясающей способностью последнего к саморегуляции, как бы не замечали стоящих за своей спиной носителей и заодно следов их реконструктивных акций, отраженных в языке. Оставаясь один на один с языком, лингвисты фиксировали свое внимание и усилия прежде всего на разгадку причин и специфики имманентно протекающих языковых изменений. Так это продолжалось, пока социолингвистика не подошла вплотную к изучению проблемы языковых изменений со своих позиций.

Одним из первых известных представителей социологического направления в лингвистике следует считать А. Мейе [Meillet 1926]. Изменения в языке Мейе связывал с социальными условиями существования носителей, поскольку сам язык существует только благодаря обществу. Продолжая эту идею А. Sommerfelt в свою очередь утверждал, что в конечном итоге все языковые изменения имеют социальный характер [Sommerfelt 1962]. В дальнейшем появилось целое поколение лингвистов-социологов, усматривавших в основе многих языковых изменений также и влияние внешних, социальных факторов, одновременно признававших и наличие внутриструктурных, имманентных изменений.

В советской социолингвистике значительный вклад в изучение языка в общественном аспекте внесли Е.Д. Поливанов, Б.А. Ларин, А. Селищев и др. Последние в принципе опирались на идеи И.А. Бодуэна де Куртене и Ф.Ф. Фортунатова, которые ввели разграничение внутренней и внешней лингвистики, подхваченной в свое время Ф. Соссюром. Таким образом основы советской социолингвистики были заложены еще в 20–30-е годы, в эпоху формирования множества литературных языков из бывших

этнических диалектов и разработки принципов языкового строительства. Сама жизненная ситуация той эпохи и повседневная необходимость иметь дело с языковыми фактами, оперировать ими в повседневной деятельности дали мощный импульс формированию идеи о необходимости разграничения внешних и внутренних факторов воздействия на язык. Лингвистика повернулась лицом к языку и стала рассматривать его не как абстрактную знаковую систему, а как сугубо общественное явление, установив необходимость не только воздействовать на него, но и видоизменять его в какой-то степени. Эта позиция несколько не мешала Поливанову искать, например, внутренние причины звуковых изменений, вместе с тем, утверждая, что цель развития языка определяется его коммуникативной функцией [Поливанов 1968 : 212].

В дальнейшем, с развитием социолингвистики стали четко дифференцироваться внешние и внутренние причины языковых изменений. Можно считать, что именно российскими учеными была выдвинута и четко сформулирована идея о совместимости обоих типов языковых изменений в истории развития многих языков, как бы объединившая эти две концепции. Таким образом, в конечном итоге господствующей стала идея о наличии двух типов языковых изменений: возникших под действием внешних факторов и появившихся на основе внутренних импульсов, самопроизвольно.

* * *

На первых порах в социолингвистических исследованиях недостаточно интерпретированным оставался сам механизм воздействия социальных факторов на язык, недостаточно изученной была система самих факторов и особенности их воздействия. В связи с этим нередко общественно-детерминированные языковые изменения сводились к отдельным, частным случаям, минуя освещение их общественного масштаба. Недостаточно четко дифференцировалось стихийное влияние социальных факторов от целенаправленного воздействия общества на язык и пр. Нередко внешние причины языковых изменений сводились к какому-нибудь одному фактору. Так, например, Б.А. Серебренников причиной многочисленных изменений на различных уровнях языков народов СССР считает этно-языковые контакты [Серебренников, Кубрякова 1970 : 221–233]. При этом особенно восприимчивой сферой "для всякого рода иноязычных влияний является лексика" [Серебренников, Кубрякова 1970 : 230]. Описанные им факты языковых изменений в условиях контактов – достаточно распространенное явление. Но контакты – это далеко не единственный внешний фактор воздействия на язык. Существуют и такие действенные факторы, как целенаправленное сознательное воздействие общества на язык, языковая политика и языковое строительство и др. Сами контакты по существу представляют собой внешний фактор стихийного воздействия, нередко неуправляемый обществом.

Наиболее полную характеристику факторов внешнего воздействия дал, пожалуй, Ю.Д. Дешериев. Согласно его определению, социальный фактор – это системно организованное социальное действие разной структуры в обществе. Социальный фактор может быть представлен идеей, или целостной концепцией, которые влияют на язык в целом, определяют его судьбу, настоящее и будущее. Социальный фактор глобального значения влияет и на отдельные элементы языка (изменение смысла слов, его идеологии, например, русск. *совет* в значении органа государственной власти [Дешериев 1988 : 7]. Социолингвистическое исследование определяет в том числе и степень конкретного влияния социальных факторов на явления и элементы всех уровней структуры языка (лексико-семантического, фонологического, морфологического, синтаксического и стилистического) [Дешериев 1988 : 10]. Ю. Д. Дешериев выделяет социальные факторы максимального и минимального значения. К числу первых среди прочих относит, например, языковую политику, социально-экономическую формацию и пр.

Внешние, социальные факторы воздействия на языковые процессы могут носить

как сознательно-целенаправленный характер, воплощающий творческий аспект общества, так и стихийный. Последний зависит от специфики исторически сложившихся обстоятельств, в которых существуют языки и их носители и свойствен более ранним этапам развития человеческого общества. Примером стихийного внешнего воздействия на язык может служить формирование лексики языковых союзов, представляющих собой особую ареальную группу языков. В результате культурно-исторического взаимодействия у них вырабатывается общий лексический фонд, не обладающий общими звуковыми соответствиями. Однонаправленные изменения могут иметь место и на других уровнях языковой системы, но особый интерес представляет лексика. Ярким примером ее общественной детерминированности может служить выявленный О.Н. Трубачевым факт массового перехода древних и.-е. терминов плетения и гончарного производства на ткачество на основе действия закона семантических полей, реализация которого тесно связана с производственной и социальной жизнью разноразличного общества конкретного ареала [Трубачев 1966]. "Древнее соседство, – пишет О.Н. Трубачев, – не могло обойтись без языковых, изоглосных и других связей" [Трубачев 1984 : 26].

В языковых союзах, помимо наличия первичных генетических связей, стихийно формируются новые общие языковые инновации на основе культурно-экономических и исторических контактов. Так, в балканском языковом союзе (болгарский, македонский, албанский и др.) на основе интенсивного взаимодействия языков стихийно выработались на всех уровнях языков ряд сходжений, особенно лексических, известных как балканизмы. Их появление обусловлено общностью социальных условий бытования, типов хозяйствования и пр. в определенном географическом ареале.

Особое место среди внешних факторов воздействия на язык занимает сознательная корректировка обществом языковых процессов.

Основной задачей общественно регулируемого воздействия на язык является изменение его функционального статуса либо в сторону расширения, либо, напротив, сужения, что в конечном счете определяется языковой политикой.

Расширение функционального статуса языка, т.е. сфер, которые он должен обслуживать, требует целенаправленной коррекции его внутривидовых возможностей: расширение объема лексики, развитие стилистических систем, внедрение различных инноваций во все уровни языка. Таким образом, можно резюмировать, что объектом вмешательства общества является, как правило, литературный язык – наиболее значимая страта общенародного языка; это вмешательство реализуется на основе выработанной обществом языковой политики.

Известно, что современные литературные языки отличаются от диалектов прежде всего тем, что являются объектом и результатом реконструктивного вмешательства общества, развиваются под его эгидой, изменяясь в нужном для него направлении. Это во многом искусственные языки, поставленные в жесткие общественные рамки. Признаки корректировки обществом внутренней структуры и функций языка в желательном для данного социума направлении, в отличие от имманентных изменений, достаточно прозрачно просматриваются на уровнях литературного стандарта, хотя и не всеми трактуются как общественно-детерминированные. Между тем именно отрицание фактора активного социального вмешательства в языковую структуру рождает и укореняет ошибочное представление об исключительно спонтанном характере языковых изменений.

Ниже мы перейдем к анализу фактов языковых изменений, которые нельзя трактовать как результат его имманентного саморазвития, поскольку эти факты имеют явно выраженный искусственный характер и являются итогом целенаправленной креативной деятельности человека, либо результатом воздействия других экстралингвистических факторов. В работе использованы данные литературных языков народов СССР доперестроечного периода, которые отражали языковую ситуацию на геополитическом пространстве СССР.

Одним из наиболее ярких примеров креативной деятельности человека в области

структуры и функций языка, в корректировке им языковых процессов является фантастический по своим масштабам и темпам реализации процесс превращения 50 бесписьменных языков народов СССР в письменно-литературные.

Из дореволюционных этнических диалектов различных народов буквально лепились на основании выработанной в программах языковой политики литературные стандарты, именуемые младописьменными. Этот грандиозный процесс в наиболее рельефной форме отражает позитивный в основном характер разумного общественно-детерминированного вмешательства в языковую жизнь, главным образом, в сферу литературных форм существования.

В понятие "младописьменный народ" вкладывается конкретный смысл: им обозначаются все ранее бесписьменные народы, обитающие на территории советского государства, которые до революции не имели литературных языков и только после 1917 г. получили письменность, сформировали литературные стандарты. Последние начали функционировать и постепенно наращивать репертуар общественных сфер особенно интенсивно начиная с 20–30-х годов.

Действительно, 20–30-е годы отмечены максимальным размахом, интенсивностью и плотностью исторических событий, связанных с языкостроительством, максимальной вовлеченностью в них экстралингвистических факторов [Туманян 1996]. Факт этот сам по себе уникальный по своим масштабам. Формирование новых языков состоялось в рамках лингвистических идей тех времен, которым отвечала и соответствующая языковая политика. В этот период в общественном сознании формируются и укрепляются основные постулаты языковой политики, предполагающей принципиально новую установку – и прежде всего ликвидацию неграмотности.

Последнее можно было реализовать лишь при помощи целенаправленной работы над внутривидовым развитием языка. Учебные пособия требовали наличия соответствующей терминологии, которая в принципе отсутствовала в языках при их диалектном состоянии. Поэтому одновременно с расширением функций прежних бесписьменных диалектов и последовательным их внедрением в новые сферы необходимо было искусственно и целенаправленно поднять эти диалекты до уровня литературных стандартов. Основной упор был сделан, прежде всего на значительном расширении лексики языка и разработке функциональных стилей. Такая работа была проделана почти во всех младописьменных языках. Главным же источником для расширения лексики и стилистики являлся русский язык. Этому способствовали и алфавиты, сконструированные на основе кириллицы.

Сверхзадачей создателей литературных языков в то время являлось, как было сказано, изменение функционального статуса этнических языков в сторону расширения сфер применения, что могло быть реализовано, прежде всего, на основе появления у них письменности, позволяющей ликвидировать неграмотность. Творческая работа общества над формированием младописьменных литературных языков шла, как говорится, в открытую, на глазах у истории и реализовывалась усилиями лингвистов, литераторов, прессой и пр. Возникает вопрос, в чем конкретно заключалось вмешательство общества в процесс формирования новых литературных языков, которое отразилось на функциональном и внутривидовом состоянии последних? Обратимся к фактам.

Для превращения диалекта в литературный язык необходимо было произвести ряд продуманных целенаправленных акций вмешательства в языковую жизнь.

1. Выбор диалектной базы. Бесписьменные народы обладали множеством, иногда далеко отстоящих друг от друга диалектов, один из которых должен был стать основой нового языка, придать ему свою специфику. Будущий структурно-функциональный облик нового литературного языка зависел первоначально именно от указанного выбора, который реализовался обществом.

2. Отобранный диалект необходимо было всесторонне изучить, особенно уровень фонетики: нельзя было приспособить вновь созданный алфавит к отобранной модели без досконального исследования и определения специфики ее фонетической системы.

Это позволяло отдельные фонемы, имеющие слишком узко-диалектный резонанс, выбрасывать из системы на основе сознательно продуманного отбора, необходимого для алфавитных рамок. Создание алфавитов, таким образом, в какой-то степени стимулировало отсев избыточных фонем диалекта, упорядочение будущего фонологического облика литературного языка, в котором явно просматривалась «рука человека».

Следует отметить, что описанная выше отборочная работа при установлении состава фонем диалекта с целью отдифференцировки их от звуков, не образующих фонологическую оппозицию и не обладающих смыслоразличительными признаками была проведена в 20-х годах и позже со всеми 50-ю языками. Момент выбора тех или иных форм для последующего внедрения во вновь создаваемые литературные языки, или напротив, их ликвидации, присутствовал постоянно. Это весьма важный факт, если иметь в виду, что в процессе изучения диалектов были выявлены среди них такие диалекты, которые обладали весьма сложной фонетической системой, насчитывающей до 80 фонем (кавказские языки). Именно поэтому создание алфавитов для 50 бесписьменных народов с целью закрепления обработанного языкового материала, полученного после отборочной ревизии диалектного инвентаря, следует рассматривать как факт сознательного вмешательства общества в языковую структуру и ее корректировки, что в какой-то степени определяет будущий облик литературных языков.

К внутриструктурным изменениям с явными следами влияния экстралингвистических факторов бесспорно следует отнести значительное расширение лексического фонда литературных языков, который является наиболее подверженным структурной реорганизации языковым уровнем. Вместе с тем, как будет показано позже, общественно-детерминированные изменения происходят в меньшей степени и на других языковых уровнях.

Обогащение лексики как младописьменных, так и старописьменных языков происходит глобально и, прежде всего за счет специфических, лексико-семантических единиц, именуемых советизмами. Советизмы являются особым феноменом в языках народов бывшего СССР, порождением новых условий бытия, результатом перестройки общественного мировоззрения, характеризующего новый менталитет сформировавшегося суперэтноса. Именно поэтому советизмы нуждаются в научной интерпретации и «оприходовании» как убедительное доказательство общественно-детерминированного воздействия на языковую структуру. Еще Ницше подметил, что «при изучении слов с исторической и генеалогической точек зрения они предстают не как простые дескрипторы событий, а как сущности, непосредственно формирующие события». Ницше стремится проследить изменения значения в рамках интерпретации событий человеком, т.е. перевода этих событий в языковую форму [Маковский 1991 : 140; 1992]. Советизмы и являются тем ядром, сгустком, в котором сконцентрированы важнейшие события общественного бытия, переведенные в языковую форму. Именно поэтому они носят глобальный характер. Все языки народов СССР в своем словаре, как правило, обнаруживают такие понятия, как 'ударник', 'стахановец', 'горсовет', 'райсовет', 'райком', 'соцсоревнование', 'колхоз', 'совхоз', 'партком', 'трудодни', 'спутник', 'совнарком', 'герой труда' и много других неологизмов.

Советизмы сформировались в ареале языков страны за последние 70 лет благодаря наличию единого народнохозяйственного комплекса, охватывающего все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны на основе единой экономики. Общественный характер собственности на средства производства, постоянно растущие экономические и культурные связи между народами, совместный труд, кооперирование производства, науки и техники породили и соответствующий лексико-терминологический фонд, систему номинаций, отражающие указанные процессы.

В общий лексико-терминологический фонд, который сформирован в основном на базе русского языка и заимствований через русский язык, входят лексические (чаще терминологические) элементы из области общественно-политической жизни, естест-

венных, общественных и технических наук, номенклатуры различных отраслей промышленности, сельского хозяйства, народного творчества, международной жизни, духовной культуры, ономастики и пр. Слова указанного фонда охватывают все стороны производственной, общественно-политической, научной и духовной деятельности социума. По мнению Ю.Д. Дешериева, основными признаками, характеризующими общий лексический фонд, являются: 1) наличие общего значения и общей исходной основы фонологической структуры слова; 2) идентичное или близкое значение этого слова в большинстве литературных языков народов СССР, сопоставляемых в синхронном плане [Дешериев 1987 : 38]. К данным признакам можно добавить и третью разновидность слов, куда входят термины-кальки (и нетермины) с наличием общего значения (понятийные категории) и источника, но допускающие различия во внешнем оформлении, внешней оболочке. Последние могут носить национальную форму. Ср. слово *революционер* в арм. *heṭurphoxakan* с тем же значением.

Формирование общего лексико-терминологического понятийного фонда рассматривается как некий взаимосвязанный процесс, обусловленный общими экстралингвистическими факторами. Вследствие этого объем, содержательная сторона и перспективы дальнейшего развития указанного общего понятийного фонда в каждом отдельном языке интерпретируются как социально-детерминированные явления, тесно связанные с условиями, в которых функционируют языки и увязываются с аналогичными процессами, происходящими в других языках.

Глобальность его проникновения во все литературные языки, как младописьменные, так и старописьменные объясняется, с одной стороны, спецификой общественных установок – неологизмы внедрялись в язык и закреплялись сверху, на основе различных нормативных и прочих установок. С другой стороны, они поддерживались и наличием естественной потребности в новых лексических реалиях, порожденных самой жизнью и регулярно контролируемых обществом.

Попутно отметим, что для младописьменных литературных языков, в лексику которых широким потоком проникали указанные неологизмы, характерно было преимущественное сохранение фонетического облика новых слов, сформированных на основе русского языка. Старописьменные языки предпочитали либо принцип калькирования, либо замены нового слова собственными эквивалентами.

Как уже было сказано, ведущая роль в образовании общего лексико-терминологического фонда принадлежала языку межнационального общения – русскому. Последний не только служил средством, с помощью которого многоязычный регион приобретал способность функционировать как единый государственный организм, но являлся источником *о д н о н а п р а в л е н н о с т и* *в н у т р и* *с т р у к т у р н ы* *х* *и* *з* *м* *е* *н* *е* *н* *и* в языках народов, которых он объединял. При помощи и под воздействием русского языка меняется не только лексико-терминологическая система языков народов СССР. Под давлением системы многочисленных русизмов в литературных языках изменения происходят и на других уровнях – на уровне фонетики, синтаксиса и пр. Так, во многих литературных языках, особенно тюркских, наблюдаются факты функционирования фонем, прежде им не свойственных: в них появились ранее отсутствующие фонемы *ц*, *ч*, *ш*, *х*, *в*, *ф*, а в вокализме соответственно *о*, *е*, *э*. Например, башкирский литературный язык пополнился фонемами *о*, *е*, *ы*, которые приближаются к соответствующим русским фонемам [Баскаков, Кокланова, Мусаев, Юлдашев 1968 : 18]. Под влиянием заимствований из русского в каракалпакском стала осваиваться ранее отсутствующая в ней фонема /ф/. Вместо прежнего 'понарь', 'пабрика' стали произносить 'фонарь', 'фабрика' [ВРЛЯ 1964 : 235]. Следует отметить что указанные фонетические заимствования не меняют общую фонологическую систему языка, занимают пока еще маргинальную позицию. В отличие от явлений, сформулированных в законе Вернера по поводу фонетических изменений в германских языках с неизвестным источником и причинами их возникновения, в приведенных примерах источник появления новых фонем четко просматривается.

Под влиянием русского языка ряд изменений произошли и на уровне синтаксиса

литературных языков. Например, в армянском языке под давлением синтаксических конструкций русского языка скалькированы словосочетания с не свойственной ему изначальной структурой: в одних случаях исчезают послелогов, в других, напротив, появляются там, где им не следует быть. Ср. в армянском «играть на скрипке» построено без предлога – *juthak nvagel* букв. «скрипку играть». Но под влиянием русского языка здесь, как и в ряде других случаев закрепились конструкции с предлогом (в арм. послелог *vra* «на») – *juthaki vra nvagel* «играть на скрипке», или арм. *phoy ха҃ал* «играть деньги» стало аналогично русскому – *phoyi vra ха҃ал* букв. «играть на деньги» [Туманян 1973 : 94–95].

Все сказанное позволяет резюмировать. Языку свойственно имманентное саморазвитие, т.е. изменение отдельных звеньев системы, что объясняется стремлением ликвидировать структурно-семантические противоречия, скрытые в его недрах. С другой стороны яркие следы вмешательства человека в структуру и функции языка являются реальностью в чистом виде «без красителей и добавок». Таким образом внутривидовые изменения языков имеют двойственную природу: искусственную, социально-детерминированную и стихийно самовозникающую под давлением внутренних импульсов.

И последнее. Существует точка зрения, что современная лингвистика при обсуждении проблем языковых изменений не должна удовлетворяться ответом на вопрос как?, но искать ответ на вопрос почему они происходят и зачем? [Николаева 1991 : 12]. Вполне соглашаясь с подобной постановкой вопроса, считаем необходимым высказать свою точку зрения в понимании причин и целей имманентных изменений в языке. В научной литературе эти сакраментальные вопросы вызывали самые различные толкования, вплоть до отрицания возможности получить на них ответ.

При определении нашей позиции по данной проблеме в качестве исходной точки была принята идея о первичности семантики и вторичности формы выражения, которая в мировой лингвистике считается основополагающей. Главное назначение языка – передать информацию, ее содержание в наиболее доступной для восприятия форме. В этом смысл его существования. Если в каком-либо сегменте языка происходит сбой, в результате которого снижается или полностью искажается уровень информации, в нем самопроизвольно включается механизм для устранения смысловых завалов и подачи информации в чистом виде.

В этом состоит главная причина имманентных языковых изменений. Все остальные причины представляются как производные от основной. Язык должен сохранять коммуникативную пригодность в наиболее совершенном виде и он постоянно стремится к этому недостижимому идеалу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскаков Н.А., Кокланова А.А., Мусаев К.М., Юлдашев А.А. 1968 – О развитии тюркских литературных языков // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (тюркские, финноугорские, монгольские языки). М., 1968.
- Блумфилд Л. 1967 – Язык. М., 1967.
- Дешириев Ю.Д. 1987 – Влияние русского языка на языки народов СССР и развитие общего лексического фонда // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1987.
- Дешириев Ю.Д. 1988 – Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988.
- Косериу Э. 1963 – Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Курилович Е. 1965 – О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.
- Маковский М.М. 1991 – Теория языка Фридриха Ницше и современные лингвистические концепции // ВЯ. 1991. № 1.
- Маковский М.М. 1992 – Лингвистическая генетика. М., 1992.
- Мартине А. 1963 – Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Николаева Т.М. 1991 – Диахрония или эволюция? // ВЯ. 1991. № 2.
- Николаева Т.М., 1996 – Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании // ВЯ. 1996. № 2.

- Поливанов Е.Д.* 1968 – Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С.* 1970 – Язык как исторически развивающееся явление // Общее языкознание. М., 1970.
- Трубачев О.Н.* 1966 – Ремесленная терминология в славянских языках. Этимология и опыт групповых реконструкций. М., 1966.
- Трубачев О.Н.* 1984 – Языкознание и этногенез славян // ВЯ. 1984. № 2.
- Туманян Э.Г.* 1955 – Превращение артикля в флексию дательного падежа в новоармянском языке // ВЯ. 1955. № 5.
- Туманян Э.Г.* 1973 – Армянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (внутриструктурное развитие старописьменных языков). М., 1973.
- Туманян Э.Г.* 1996 – По поводу понятий "старописьменные" и "младописьменные" языки // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. Материалы междунар. конференции. М., 1996.
- Jespersen O.* 1925 – Language: its nature, development and origin. London, 1925.
- Meillet A.* 1926 – Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1926.
- Sommerfelt A.* 1962 – Diachronic and synchronic aspects of language. 's-Gravenhage, 1962.